

Выиграю твою жизнь

Автор:

Елена Рахманина

Выиграю твою жизнь

Елена Рахманина

Пламя #4

- Взамен на информацию мне требуется от тебя одна услуга, - очень мягко, вкрадчиво доносит до меня мысль мужчина. Хмурюсь. Я готова была многое отдать, только бы знать имя убийцы отца.

- Какая? - тихо спрашиваю.

- Ты должна устроиться в дом к хозяину нелегального заведения «Рай». Место, где можно за деньги получить любое удовольствие.

- Что от меня нужно?

- Чтобы ты сливала о нём информацию.

От этих слов я вжимаюсь в спинку сиденья. Клуб «Рай» - центр криминального мира этого города. Средоточие зла и беззакония. Там существуют свои собственные своды правил и постулаты. А его хозяин - влиятельный монстр, который сотрёт меня с лица земли, если узнает подробности этого разговора.

Содержит нецензурную брань.

Елена Рахманина

Выиграю твою жизнь

Пролог

Меня вели по узким, слабо освещённым коридорам, напоминающим подземные катакомбы. От усталости и боли ноги заплетались. А учитывая, что этот мудила поставил меня на высокие каблуки и нарядил как шлюху, мой шаг стесняла ещё и одежда. Опустила взгляд на собственные ноги. Чулки в сеточку и ультракороткая юбочка. Каблук на прозрачной платформе. В таких обычно выступают танцовщицы. Те, что обнимаются с пилоном.

Блин, хоть сейчас на панель. От этого предположения сделалось не по себе. Что он задумал?

Меня везли сюда с завязанными глазами, поэтому я лишь смутно догадывалась, где оказалась. Слишком знакомый интерьер. Кирпичные стены, мягкий ворс ковра, в котором утопали стрипы, множество запертых кабинетов, вход в которые мне закрыт. Был.

Жёсткие пальцы охранников вцепились в мои предплечья, словно я особо опасный рецидивист. Только вот они не из полиции и судить меня будут по другим законам.

– Шевели булками, сучка, – подталкивая меня вперёд, прорычал главный конвоир над самым ухом.

– Если бы твой хозяин-фетишист не нарядил меня в эти дешёвые шмотки, я бы уже давно от вас сбежала, – рывком тяну на себя плечо в попытке ослабить стальную хватку, такую жёсткую, что боль от неё отдавалась прямо в мозг, – но боюсь, у твоего хозяина просто иначе не встанет. Так ведь?

Всегда, когда я нервничаю, из моего рта вырывается совершенно неконтролируемый поток слов. Но не всегда это грозит мне смертью. В отличие от данного момента.

А ещё хотелось получить опровержение. Любой намёк на то, что я не права.

Но единственное, чего я добилась, – разозлила этого тупицу. Конвоир дёрнул меня за руку, впечатывая спиной в бугристую кирпичную кладку, выбивая из горла глухой стон боли. Тут же накотившие слёзы мешали. Моргнула пару раз, добавив чёткости зрению.

– Как ты, дрянь, смеешь порочить имя моего хозяина? – прижимая меня к стене, кричал в лицо охранник.

Отвернулась. Поморщилась. Запах у него изо рта так себе.

– Твой хозяин слабак, – усмехнулась, кривя губы и выше задирая подбородок. И тут же получая удар под рёбра.

Согнулась пополам, ловя губами воздух. Ох, чёрт. Как же больно. Перед глазами потемнело так, что мне на мгновение показалось, что здание обесточили.

Я не самоубийца. Просто точно знаю, что ничего кроме смерти мне не грозит. За то, что я натворила, меня ждёт только казнь. В криминальных кругах совершённый мной поступок не простят и не забудут. Даже если виновнице всего восемнадцать лет. За то, что я подставила криминального авторитета, меня должны наказать. Да так, чтобы другим неповадно было. А потому, не всё ли равно, как я умру? Здесь, от избиения, за острые фразы. Или попозже, но непонятно, каким образом.

Очень расстраивал мой наряд и наводил на невесёлые мысли. Не хотелось, чтобы меня пустили по кругу. Блин, лишиться девственности таким образом вовсе не входило в мои планы.

– Эй, не трогай её, – вмешался второй, – её нужно привести живой и не испортить товарный вид. Иначе я бы её уже давно поимел.

Главный охранник недовольно пробубнил что-то, вновь хватая за руку и толкая вперёд. Я тут же упала, запутавшись в каблуках и в собственных тощих ногах. Мягкий ворс ковра смягчил падение, но подняться самостоятельно оказалось мне не под силу.

Второй охранник помог, заодно и облапал выступающие части тела. Упырь. Боль от удара ещё не прошла, голова кружилась, тошнило, и я едва ли заметила его прикосновения.

Нас подвели к широкой, украшенной резьбой двери, которую сторожили амбалы в строгих костюмах. Возможно, я их даже знаю, вероятно, здоровалась с ними, каждый день приходя на работу, но сейчас мне было так погано, что их лица размазались, как сгоревшая восковая свечка.

Дверь распахнулась, свет ударил по глазам, раздражая и вызывая резь.

– А вот и наша сегодняшняя ставка пришла, – прокомментировал моё появление знакомый голос.

Немного придя в себя, я посмотрела на собравшихся в этом кабинете людей. Глаза испуганно уставились на моего Хозяина, тут же расширились от ужаса. Сглотнула слюну, ожидая, когда он поднимет взгляд на меня. Время текло мучительно медленно. А я лишь стояла, ни черта не соображая в том, что здесь происходит, и моргала.

Сердце быстро билось в груди, дыхание стало частым. Шумным. Хозяин самого закрытого и элитного ночного клуба обратил на меня своё внимание. Но такое... будто и не узнал. Так смотрят на пустое место. На зря потраченное время. На головную боль.

Мне бы хотелось проникнуть в голову этого мужчины, покопаться в его мыслях. Понять, есть ли там хоть какие-то эмоции. Или тёмные глаза верно отражают безразличие.

Закусила нижнюю губу, переминаясь с ноги на ногу на месте (ужасно неудобная обувь), смутно догадываясь, что меня привели сюда не по ошибке.

Боже, этот идиот, которого я пыталась облапошить, реально решил, что Шамиль будет играть на меня? Смешно! Я ведь всего лишь уборщица в его доме. Я ему нахер не сдалась.

– Принимаю, – прозвучал ответ Шамиля, сбивший меня с ног посильнее удара под рёбра.

Я облизала пересохшие губы и мучительно пыталась снова поймать взгляд Хозяина. Он предупреждал, что ещё один мой косяк, и он убьёт меня собственными руками. А ведь он ещё не знает, что я не просто так работаю на него... или знает и поэтому хочет убить лично? В целом поводов прикопать меня на лужайке рядом с его ночным клубом у него скопилось достаточно.

– Зацените, какая куколка сегодня может стать вашей в случае выигрыша, – прозвучал голос мужчины, которого я видела впервые. Он походил на тех, что рекламируют рабов перед продажей, сразу вызывая во мне неприязнь. – Какие ножки и прелестная грудь. Алмаз среди разбитых осколков стекла.

Нет. Я была уверена, что в сегодняшней игре в покер розыгрыш идет не на моё тело. Красоток, готовых обслужить хозяина самого крутого и не совсем легального ночного заведения Москвы, так много, что ему достаточно щёлкнуть пальцами, чтобы они прибежали к нему и покорно ждали его внимания.

Нет. Готова биться об заклад, что он просто хочет собственноручно наказать меня. А не делиться этим удовольствием с другими.

Несмотря на то, что меня планировали сбагрить как ценный приз, я ощутила очередной толчок, заставивший ноги подкоситься. Упала у стены, напряжённо разглядывая игроков в покер.

Глазами гипнотизируя своего Хозяина, сидевшего ко мне боком. Чёрт, до чего же он хорош. В этом идеально скроенном деловом костюме он действительно походил на человека, принимающего ставки на жизнь.

Почти расслабившись, я откинула голову на стену, изучая его из-под ресниц. Такого недостижимого и чужого. Интересно, почему он ввязался в эту авантюру? Ведь я для него всего лишь ребёнок. Капризный, непослушный, дикий Маугли.

Я имела отдалённое представление об игре в покер. А потому лишь интуитивно понимала, чьи карты составят выигрышную комбинацию на изумрудной поверхности стола.

По недовольной физиономии партнёра Шамяля до меня дошло, что даже если он проиграет, то всё равно достанет моё тельце из-под земли. Наказание найдёт меня рано или поздно.

– Она твоя, – зло бросил наркоторговец, поднимая свои сальные глазки в мою сторону. И обещаая кровавую расплату. Не сейчас. Потом.

– Все вон отсюда, – коротко и сухо приказал Хозяин.

Я напряглась, будучи уверенной, что столь неуважительный тон может стать поводом для драки. Но наркодиллер не дурак. Силы здесь неравны. Людей Шамяля в его заведении явно больше.

Когда комната опустела и мы остались наедине, я притянула к себе ноги и вжалась в стену.

Мне не нравилось, как Хозяин смотрел в мою сторону. Сердце глухо ухало в груди, отдаваясь болью в побитых рёбрах.

Помещение вдруг сжалось, нарушая все законы физики. Наедине с этим человеком мне стало здесь тесно. И страшно. Он заполнял собою всё пространство, забирая мой воздух, не давая сделать вздох. От одного лишь взгляда тёмных, колючих глаз желудок сворачивало от страха в узел.

Мужчина потянул свои брюки чуть выше и присел на корточки рядом со мной, так же безэмоционально рассматривая мой наряд. Словно он заметил меня только что, а не в тот момент, когда я входила в это помещение.

– Чем со мной будешь расплачиваться за свою жизнь, Лиса?

Глава 1

На дно грязного умывальника капала вода, буквально сводя меня с ума. Эту противную монотонную мелодию, доносившуюся из-за открытой где-то в коридоре двери туалета, не перекрывали другие звуки. Чей-то храп в соседней камере, треск неудобной койки, в которой кто-то никак не мог разместиться.

Включённый телевизор, притягивающий внимание ментов.

Я ждала утра. Не впервые меня забрали «охладиться». Почему-то подполковник полиции, руководивший этим Отделом, считал, что мне полезнее спать здесь, а не в квартире моей бабки. Неподалеку от моей с матери-наркоманки.

– Василиса Вишневская, подъём, – прозвучал знакомый прокуренный голос.

Медленно опустила кеды на пол. Потёрла глаза. Хотелось умыться. А в идеале принять душ. Я до костей пропахла этим местом. Зловонный запах чужого перегара, рвоты и мо... того, о чём я предпочитала не думать, въелся в мою одежду так, что, будь я богаче, не раздумывая выбросила бы эти шмотки. Но, увы. После убийства отца моя семья находилась на грани нищеты. Надеюсь, хотя бы хлорка поможет вытравить этот сомнительный аромат.

– Когда ты перестанешь влипать в неприятности, Вишневская? – спрашивает подполковник, взирая на меня с высоты своего роста.

Меня раздражала его отеческая опека. Ну и что, что мы знакомы с ним с моих четырнадцати лет. Забирать меня в обезьянник стало для него привычкой. Обыденностью. Даже если в разборках была и не моя вина.

– Я не влипаю в них. Это они влипают в меня, – ухмыляюсь, задирая подбородок выше, чтобы не казаться такой мелюзгой рядом с ним, и думая о том, что выгляжу сейчас очень крутой. Не каждого задержанного до выяснения обстоятельств из обезьянника забирает начальник Отдела полиции.

Местные старожилы в форме отвечают мне такой же ухмылкой. Плавали – знаем. Ещё не раз встретимся. Коротков даже не заносил мои приводы в базу данных. Жалел сиротку.

– Василиса, я знал твоего отца, он не одобрил бы твоего поведения, – пытается наставить меня на путь истинный мужчина.

Ну да, ты его знал. Мой отец наверняка и пристроил тебя на это тёпленькое местечко. Что ж, спасибо, что не забыл его доброту, в отличие от остальных, и присматриваешь за мной. Но не нужно мне говорить, что мой отец сделал бы.

Всё-таки не?когда самый опасный криминальный авторитет этой части Москвы мог бы и не согласиться с твоими выводами.

Мне очень хотелось прошипеть собственные мысли сквозь стиснутые зубы. Но я знала, что это странное знакомство может ещё не раз меня выручить. А когда человек ведёт такой образ жизни, как я, не стоит раскидываться связями. Даже весьма сомнительными в своей пользе.

– Не одобрил? – усмехаюсь со всей бравадой, на которую способна юная девчонка, не признающая границ и не следующая правилам. – Папа учил меня, как владеть ножом-бабочкой. Думаете, мои таланты должны пропасть зря?

Мужчина устало выдыхает, в очередной раз понимая, что я неисправима. В его глазах печаль и какая-то обречённость. Будто он видит лишь плачевный исход моей судьбы.

Он пытался. Честно пытался. Даже не знаю почему, ведь мой отец уже никогда не вернёт ему долг – забота о дочери Вишневого. Видимо, подполковник сочувствовал мне чисто по-человечески. Для меня это стало удивительным открытием. В сердце неприятно кольнуло, и я тут же стёрла это наваждение из груди. Слабости нет во мне места. Стать хорошей девочкой уже не суждено.

– Выметайся, – вкладывает в мои замёрзшие пальцы рюкзак, едва ли не вышвыривая из стен казённого учреждения, – и чтобы я тебя здесь больше не видел.

Каждый раз он говорил одно и то же.

Нацепила на плечи рюкзак и пониже опустила чёрную шапку, почти закрывая тёмные брови. Скорее бы добраться до дома и вымыться. Ткнулась носом в собственный рукав куртки. Фу. От меня разит, как от бомжихи.

Пока шла, размышляла, как было бы здорово оказаться в квартире одной. Не слышать ругань бабки, которая меня с каждым днём ненавидела всё сильнее. Не видеть пустых глаз матери. На этой ноте моё сердце сжалось. Больно. Нет. Лучше пусть она будет дома. Не хочу шароёбиться по всем злачным местам в её поисках.

Только Васька, мой брат-близнец, никогда меня не расстраивал. Да и не мог. Пулевое ранение застряло в позвоночнике, навсегда лишив его возможности двигаться. Ещё одно наследство моего отца.

Казалось бы, когда Василий Вишневский (да-да, неоригинально, Вишневская Василиса Васильевна, ещё и брата зовут так же – Василий, но отцу слишком нравилось собственное имя, и оно постоянно резонировало в нашем доме, будто отражаясь от зеркальных поверхностей) умер, его награбленное богатство где-то должно было осесть. Как это обычно случается у преступников подобного масштаба. На счетах швейцарских банков, в офшорах, да хотя бы зарыто в стеклянных банках под землёй! Но нет. С его смерти всё пошло по пи..де... по наклонной, я хотела сказать.

Погружённая в свои мысли, я не сразу заметила, как рядом со мной крадётся тонированный «Роллс», мать его, «Ройс». Напряглась. Кто-то в машине, будто почуяв, что я пришла в себя, остановил тачку. И я почему-то тоже встала как вкопанная. Хотя в таких случаях правильно было бы бежать без оглядки. Но что-то держало меня на месте.

Водитель вышел из автомобиля, обошёл его и открыл передо мной пассажирскую дверь. В салоне кто-то был. Взгляд упал на мужские ноги. Брюки со стрелками, отполированные тяжёлые ботинки.

– Что вам от меня надо? – слишком поздно начав пятиться назад, спрашиваю. Морщусь, слыша собственный писклявый голосок. Разглядываю водителя, куда больше похожего на головореза. Сердце заходится из-за плохого предчувствия.

Меня так быстро упаковали в салон, что я даже пискнуть не успела. Заломили руку за спину, вызывая острую боль, и, согнув буквой «Г», закинули внутрь.

Тело обдало жаром, и я только сейчас ощутила, как сильно замерзла, проведя ночь не под тёплым одеялом, а в отделении полиции. В нос ударил запах кожи, обтягивающей сиденья, лёгкий, едва уловимый мужской парфюм и аромат чистой рубашки. Как можно ощущать запах рубашки?

Как зверёк, привыкший к опасности, я тут же вжалась в угол, интуитивно понимая, где сидит человек. Взгляд привык к царившему полумраку, и я уставилась на колени, медленно поднимаясь взглядом выше.

– Здравствуй, Лисёнок, – густой мужской голос разрезал тишину, словно заточенная сталь ножа, тут же вызывая во мне потребность по-девчачьи завизжать.

Глава 2

Сжимаю со всей силы кулаки, слыша в ушах шум крови.

– Не пугайся так, я не причиню тебе вреда, – мягко обращается ко мне, как к приبلудной кошке, которую не хочет спугнуть. Только чего тогда хочет? Накормить или открутить хвост – непонятно.

Я вглядываюсь в знакомое лицо, серые, как бетонная стена, глаза, плотно сжатые губы, нос с горбинкой и светлые, пшеничные волосы. Конечно, этот человек мне знаком. Иначе с чего бы я забилась в угол, забывая дышать. Вдох. Выдох. Очень медленно, не сводя с него глаз, я залезла на пассажирское сиденье.

– Здравьете, дядя Соломон, – несмотря на дрожь в руках, которую я пыталась скрыть, вцепляясь пальцами в кожаную обивку сиденья, мои губы скривила наглая улыбка.

Я помнила почти всех «коллег» своего отца. Это было несложно. Они частенько собирались в нашем загородном доме. Жуткое зрелище для непосвященных. Но я знала, кто мой папа. Сила, огромная и тёмная, за которую я могу спрятаться. Она окутывала меня с головы до ног, делая неприкосновенной. Перетекала в меня, зажигая изнутри, и я знала – меня никто не обидит. Таким был мой отец, пока на нашу семью не совершили покушение.

Я сидела на гангстерских встречах вместе с ними ещё маленькой, на его коленках, и слушала их разговоры. Не знаю даже, почему папа мне это позволял. Мой брат-близнец пугался подобного общества, предпочитал спрятаться, смыться куда-нибудь с друзьями и не показываться злым дядям на глаза.

А меня туда тянуло. Мне нравилось, что со мной разговаривают как со взрослой. Папа даже шутливо задавал мне вопросы, будто советуясь, а когда я отвечала,

мужчины покатывались со смеху.

Я стала свидетелем криминальных схем, планов зачистки и выбора рынков сбыта нелегальной продукции. Моей безвольной, но невозможно красивой матери было всё равно, чем занимается её дочь. А для отца вся жизнь – игра.

Папа любил демонстрировать своим друзьям мои навыки в фехтовании и шахматах. Включал записи с моим участием на чемпионатах. Пение, которым я тоже с детства занималась, его почему-то не так воодушевляло.

– Ты очень выросла с нашей последней встречи, – мужчина медленно, сантиметр за сантиметром, опускает взгляд с моего лица ниже, по телу. По тонкой шее, выступающим ключицам, груди, виднеющейся из-за расстёгнутой куртки.

Я буквально ощущаю, как в нём загорается интерес ко мне. Будто он сам не ожидал, что я когда-нибудь вырасту.

Не знаю, зачем ему эта встреча, но он смотрит на меня не как на дочь своего друга. Как на женщину. И мне до смерти захотелось спрятаться от этих глаз. Натянуть шапку пониже, скрывая под ней чёрные кудри. Поднять до самого горла молнию на куртке и сжаться до точки, лишь бы не смотрел так. Не пялился, не раздевал в своих фантазиях.

А ведь девчонкой я была отчаянно влюблена в него. Друг отца тогда казался мне загадочным и красивым. Его украшала власть и пистолет под курткой. Он замечал мои взгляды и поддерживал этот интерес.

Общался как со взрослой, дарил подарки на каждый день рождения, не пропуская ни одного. Только не такие подарки, что обычно получают девочки. Куклы, платья или украшения. Нет, мне дарили наборы ножей. Боевых. Станный подарок. Не понимала его, но гордилась, что ко мне не относятся как к девочке. А в этом мире мне хотелось бы родиться мужчиной.

А ещё я видела, как он поглядывал на мою мать. Я не стала её копией, но выросла чертовски похожей. А моя мама была чудо как хороша. Она и сейчас очень красивая... Если бы не наркотики, стирающие её личность с каждым днём всё больше и больше. А я... нет. Нет, я не считала себя красавицей, а потому его интерес меня так удивил.

Но очевидно, что скатившаяся на дно жизни мама его давно не волнует. И слава богу, от такого ухажёра я не смогла бы её защитить. А сама с ним я как-нибудь справлюсь.

– Вы тоже повзрослели, – язвлю, рассматривая седину на висках и морщины, исходящие лучами из уголков глаз. Мужчина прищуривается недобро, серый взгляд пронзает морозом, и я невольно ёжусь.

– До меня дошли слухи, что ты пыталась связаться с нами, – прохладнее, чем прежде, продолжает мужчина.

Ох, простите, задела за живое. Любопытно, сколько ему сейчас? Лет сорок пять? На что он надеялся, глядя на меня своими хищными орлиными глазами? Не удивлюсь, если его любовницы – мои ровесницы.

С нами... Да. Я пыталась выйти на связь с партнёрами отца. С каждым из них. С теми, кто делил с ним стол, жизнь и криминальный мир. Но не разделил смерть и забвение. Люди, державшие весь город в своих кулаках. Возможно, кто-то из них покушался на него. Я хотела знать кто.

Среди них политики, именитые бизнесмены и меценаты. Так раньше выглядело и реноме моего родителя. Красивая обёртка и смертельная отравка внутри.

После того утра всё изменилось. И я желала знать, кто в этом повинен. Ненависть за отнятые в тот день жизни росла вместе со мной. Она почти заполнила каждую клеточку моего организма, приняла форму моего тела, скульптуру моего лица, цвет моих волос. Пока в итоге от меня кроме чёрной ненависти уже ничего не осталось. И только у этой оболочки была цель – найти виновного.

Я жила с этой ненавистью. Питалась ей, когда есть было больше нечего. Когда мать, полностью слетевшая с катушек, потерявшая самое дорогое и любимое, нашла утешение в нелегальных химических формулах. А мне, тринадцатилетней девчонке, приходилось бегать по самым жутким уголкам этого города, чтобы найти родительницу. А ведь наркотики – это дорогое удовольствие. И платила она за него своим телом. И лучше не вспоминать моменты, когда в её глазах рождалось желание продать за это удовольствие и свою подрастающую дочку.

– Вы знаете, дядя Соломон, чего я хочу, – сердце уже перестало плясать от страха. – Знать, кто заказал мою семью.

Это не первая наша встреча после трагедии, я и раньше кидалась с этим вопросом к нему. Он был самым близким другом отца. Ему я доверяла больше всех.

Я мысленно вернулась к той встрече четыре года назад. Похороны. Чёрный день. Мать, которая полностью погрязла в горе, забыв о том, что у неё есть о ком заботиться. И я сразу ощутила себя всеми брошенной и потерянной. Лишённой защиты. Опоры. Вкушая новый плод – страх и незащитность. Чувства, с которыми я боролась всеми силами. И не всегда успешно.

Чтобы добраться до Соломона, мне пришлось преодолеть преграду из его телохранителей. Слово он тогда тоже опасался, что следующим попасть под прицел киллера может уже он.

– Отпустите её, – спокойный приказ слетел с губ, и руки, державшие мои плечи, разжались.

Я кинулась к нему на шею, вспоминая, что этот мужчина всегда хорошо ко мне относился. Но тёплых объятий не последовало.

– Дядя Соломон, – обливаясь слезами, утыкаюсь носом в грубую ткань его пальто, – кто это сделал?

Мужчина раздражённо расцепляет мои озябшие пальцы, убирая с шеи. Опускается ниже, так, чтобы я могла видеть выражение его глаз. Холодных, как этот осенний день. И чужих.

– Это не твоё дело, Лисёнок. Не вмешивайся в неприятности. Я погасил все долги твоего отца, но извини, с домом и прочими благами придётся расстаться. Я сожалею. Взрослей и прощай.

Разбитая, я стояла в грязной луже в своих промокших ботинках, не зная, где на моих щеках слёзы, а где дождь, и смотрела, как полы его пальто развеваются за спиной. Как тяжёлые ботинки погрязают в кладбищенской земле, пока мужчина направляется к выходу. С моим отцом попрощались. И с моей семьёй тоже.

Я пыталась встретиться с ним ещё и ещё. Из года в год. И ничего. В последний раз его охрана меня и вовсе избилла и вышвырнула. Как мусор. Ублюдки...

Но даже такой «чести» от других партнёров отца я не удостоилась.

Мужчина морщится, будто ему под ноготь иглу загнали.

– К чему эти формальности, Василиса. Какой я тебе дядя? – его рот изгибается в подобии улыбки, но она не делает его лицо добрее. Опаснее – да. И как я могла считать его привлекательным? Он жуткий. Была бы я умнее, пряталась бы от него, как от чудовища, под одеялом.

– Никакой, – подтверждаю, вспоминая, как он бросил меня на произвол судьбы.

А ведь я так верила ему. Хранила надежду тот короткий промежуток времени, до момента, как вся надежда во мне не истлела. Погасла. Страшно терять надежду, ведь, не имея её, человек способен на многое. А пока она теплится, есть и сдерживающие факторы. А у меня их выбило все напрочь, как пробки от перепада напряжения. Давно и намертво.

– Все эти годы я вёл расследование, желая узнать, кто заказал твоего отца. И сейчас близок к цели.

От этих слов моё нутро сжалось, мозг заработал быстро и чётко. Все органы чувств пришли в боевую готовность. Я подалась к нему корпусом, мой рот чуть приоткрылся, будто я собиралась испить до дна важное знание. И он устремил взгляд к моим губам, медля перед ответом. Захлопнула рот и сжала губы в тонкую линию. Меня чертовски пугали эти взгляды.

– Но мне нужна от тебя одна услуга, – очень мягко, вкрадчиво доносит до меня мысль.

Хмурюсь. Я готова была многое отдать, только бы знать имя убийцы. Человек, сидящий напротив, это знал и собирался этим знанием воспользоваться.

- Какая? – тихо спрашиваю.

- Ты должна устроиться в дом к Шамилю Ямадаеву – хозяину нелегального заведения «Рай».

Я слышала о нём. Каждый в городе слышал. Место, где можно за деньги получить любое удовольствие. В буквальном смысле. Только я туда даже не совалась. Ибо платить за вход было нечем.

- Как я это сделаю?

- Этот вопрос меня не интересует. Ты умная девочка, уверен, справишься с этим заданием.

- А если справлюсь, что дальше?

- Мне нужно, чтобы ты сливала о нём информацию.

От этих слов я вжимаюсь в спинку сиденья.

Клуб «Рай» – центр криминального мира этого города. Сосредоточие зла и беззакония. Место, где существуют свои собственные своды правил и постулаты. А его хозяин – влиятельный монстр, который сотрёт меня с лица земли, если узнает подробности этого разговора.

Меня отправляют на верную смерть, если я облажаюсь.

Во рту мгновенно пересыхает.

- Когда я узнаю имя нанимателя? Убийцы, – облизываю сухие губы.

Сердце исправно качает кровь, как сильный насос. Туда-сюда. Я ощущаю всплеск адреналина, заставляющий его биться чаще. Только дышу рвано,

урывками, как после длительного бега.

У меня лишь одна задача и один смысл жизни. Узнать это чёртово имя.

– Как только я получу информацию, которая позволит упечь Ямадаева за решётку, – слышу исчерпывающий ответ.

Его губы вновь изгибаются в подобии дежурной улыбки, словно он представляет и предвкушает озвученное событие.

Понятия не имею, что на самом деле являет собой хозяин этого заведения. Но уверена, что он не без греха. Только вот, как мне добыть нужные сведения, пока непонятно. Но я придумаю.

– По рукам. Я это сделаю. А вы назовёте мне имя.

Я знаю. В моих глазах горит огонь. Я чувствую пламя, что лижет моё нутро, пробираясь всё выше и выше, пока не поглощает меня полностью.

Соломон молчит. Лишь смотрит пристально, будто сомневаясь в собственном предложении. И я до смерти боюсь упустить этот шанс. Единственный шанс получить ответ на свой вопрос. Я не могу жить с этой ношей. Она тяготит меня, тянет к земле. И отпустить, и забыть тоже не в состоянии. Мне нужно это имя как воздух.

Проходит минута. Другая. Едва заметный кивок. Медленно выдыхаю.

– Хорошо, Василиса. Ямадаев не должен знать, чья ты дочь, поэтому, если тебе повезёт к нему устроиться, не называй своё настоящее имя, – Соломон протягивает мне паспорт.

Новенький документ. Хрустит, когда я его пролистываю, и пахнет клеем. Я раскрываю его на второй странице и удивлённо пялюсь на собственную фотографию, над которой достоверно поблёскивает графическая защита. И имя. Алиса Спиридонова. Чужие имя и фамилия. Дата рождения опережает мою ровно на год. Но день и месяц совпадают.

Значит, мой отказ не предполагался. Соломон знал, что я поведусь. А как иначе, ведь я столько лет его терроризировала.

Автомобиль припарковался у моего дома. И я уже порывалась выйти, как Соломон сжал мою руку, потянувшуюся к двери.

– Его горничная была уволена сегодня утром, – сообщает мне, и я догадываюсь, что она тоже работала на Соломона, – поэтому поторопись. К вечеру это место может быть занято.

Я киваю, наматывая информацию на ус. Значит, надо ускориться.

Соломон медлит, будто хочет добавить что-то ещё.

– Ямадаев опасный человек. Не ври ему – он распознает твою ложь. А если он поймёт, зачем ты там, убьёт на месте. Уверена, что оно того стоит?

Я смотрю в серые глаза. Внимательно и удивлённо. По моим губам скользит холодная усмешка. Меня забавляет эта несвоевременная забота обо мне. Почему вдруг? Только оттого, что этому мужчине захотелось залезть мне в трусы?

– Уверена, – твёрдо отвечаю и выбираюсь из тёплого салона, окунаясь в неприветливую серую жизнь.

***

Я бы прямо из автомобиля бросилась к дверям ночного клуба, но меня бы и на порог не пустили. Грязная замухрышка, нечёсаная, бледная. Представляю лица этих напыщенных секьюрити, стоящих у входа, при виде меня. Хех.

Перепрыгивая ступени, поднялась на свой этаж. Задержала дыхание, перед тем как повернуть ключ в замке. Как же не хотелось возвращаться домой. Прикусила губу и отворила дверь.

– Явилась, прошмандовка, – едва я переступила порог, посыпались обвинения. Старая ведьма выглянула из кухни, презрительно разглядывая меня, пока я

разувалась. – Что дочка моя непутёвая, мне всю кровь высасывала своими похождениями, теперь ты свалилась на мою голову. Где ж я так нагрешила, что такие шлюхи в моей семье родились?

Бабка была полной, дородной женщиной, и, если глядеть на меня и маму, наше родство вызывало сомнения.

От потока брани и грязи все мои внутренности свернулись в узел. Почти ощутила, как из ушей пошла кровь. Хотелось забиться в дальний угол, сжать голову ладонями и не слышать этот невыносимый ор.

Отвечать бабке или, что ещё хуже, вступать с ней в спор я не стала.

Она приютила нас после смерти отца, впустила в свою квартиру и считала, что это даёт ей право измываться над нами. Может, отчасти из-за неё мать и снаркоманилась, но я не хотела искать ей оправдания, поэтому отбросила эту мысль.

Прошла в большую комнату, где располагались наши кровати. Постель матери не заправлена. Чёрт. Где она провела ночь? Неприятный холодок пробежал по спине. Обычно она возвращалась.

Глянула на постель Василька, который кивком головы поприветствовал меня.

– Не приходила она, – догадка подтвердилась в отражении глаз брата.

– Надо её найти, – медленно оседаю на кровать, гадая, в каком притоне она может находиться. – Ты ничего не знаешь?

– Нет.

Иного не оставалось. Нужно её найти. Скорее всего, валяется где-то на полу после дозы. И лучше не думать, как она её добыла.

Только Соломон прав: не поспешу, потеряю работу. Поэтому первым делом я планировала побежать в «Рай».

Стянула с себя шмотки и запихала в стиральную машинку. Под душем жёсткой щёткой вытравляла из кожи зловонный запах обезьянника. Казалось, даже вода стала дурно пахнуть. Но, вымывшись, я тут же ощутила себя лучше. Но не хотелось никуда идти. Залезть бы под одеяло и проспять сутки.

Но вместо этого я натянула на себя чистое белье. Постояла перед зеркалом в колготках и майке, раздумывая, что надеть на собеседование, на которое меня никто не приглашал.

- Что скажешь, Василёк?

Пока одевалась, рассказала ему про встречу с Соломоном. Василёк, конечно, не одобрил мой план. Отвернулся к стене, игнорируя моё существование.

- Ты прав, надену короткую юбку.

Выбежала из дома в ботинках, короткой юбке и тонкой кожаной куртке не по погоде. Холодно, пипец. Бранные слова бабки заглушали наушники в ушах. Музыка отвлекала от моего личного ада.

Я притащилась на маршрутке к дверям ночного клуба, осматривая восьмиэтажную кирпичную громадину. Старое промышленное здание в центре города занимало несколько тысяч квадратных метров площади. Я слышала, что на каждом этаже предусмотрено собственное развлечение. Но какое... никто не знал, кроме посвящённых. Тех, кто был там. Слышала только, что это единственное место в городе, где можно поиграть в азартные игры. Естественно, нелегально.

Пожалуй, простые смертные могли быть посетителями лишь первого и второго этажа – ночного клуба. С танцами, девочками гоу-гоу, извивающимися в полупрозрачных нарядах, зубодробильной музыкой и литрами алкоголя. И ресторана.

В будний день открыт только ресторан, вход в который был мне закрыт.

- Я пришла устраиваться на работу, пустите, мальчики, – строю глазки «пацанам» два метра на полтора.

Просканировав меня наметанным глазом, обмениваются взглядами, и тот, что помоложе, произносит:

– Сюда ты можешь устроиться только моей ночной грелкой.

Ухмыляется, разглядывая мои ноги в мини, будто первый раз девчонку видит.

– А не боишься наутро без яиц остаться или тебе их уже отрезали? – слова слетают с языка раньше, чем успеваю подумать.

Мужик округляет глаза, ошарашенный моим ответом. Не ожидавший от такой мелочи, как я, дерзости. Кто-то из посетителей покидает ресторан, и я юркаю мимо фейсконтроля, пока они меня не схватили. Покинуть пост охраны оба не могут, поэтому тот, что «мёрзнет», двигается за мной по коридору.

На бегу спрашиваю у официанта, как найти администратора. Парень, облапав меня глазами, показал пальцем на девушку в дорогом костюме. Русоволосая, лет двадцати пяти. Симпатичная.

Оглядываюсь на охранника, который, заметив мою цель, остановился. Сердце стучит быстро, боюсь, как бы он меня не сложил пополам и не вышвырнул через окно. Но он почему-то не торопится.

Девушка, увидев, как я к ней приближаюсь, настораживается. Глаза недовольно сужаются, когда она рассматривает мой дешёвый прикид, явно недоумевая, как меня пропустили.

– Привет. Я хочу устроиться горничной к хозяину заведения. Птичка напела, что место вакантно, – панибратски заявляю с лёту.

Девушка вновь проходит по мне взглядом. С головы до ног и обратно. Слухи расползались быстро. Через обслуживающий персонал. Должно быть, поэтому она не уточняла, откуда мне известно про увольнение горничной.

– У тебя нет шансов. Уходи, – усмехается она, отворачиваясь и утыкаясь в айпад.

Стою пару секунд, сверля взглядом её спину.

– Это ему решать. Не так ли? – засовываю руки глубоко в карманы кожаной куртки. Тут жарко, и мне хочется покинуть это пафосное место, где каждый встречный пялится на меня как на ничтожество. Краем глаза я заметила, как за нашим разговором следит охранник, едва ли не ухохатываясь.

Девушка оборачивается ко мне, складывает недовольно губы. Снова осматривает, но уже более внимательно. И, судя по всему, приходит к тому же выводу.

– Слушай, рвань, Хозяин даже разговаривать с такой, как ты, не станет. Не трать его время. Ему уже подбирают персонал, и с улицы сюда никто не попадает.

Смотрю на неё и понимаю – она такая же, как я, рвань, только в костюме. Не лучше и не хуже, поэтому так чурается себе подобной оборванки. Вылезла недавно со дна, а теперь боится вновь заразиться нищетой.

– Я вроде горничной к нему устраиваюсь, а не бизнес-коучем. В чём, блин, ваша проблема? Думаешь, я не смогу вытирать пыль?

Девушка хочет от меня избавиться. Выразительно поглядывает на охранника. Я оборачиваюсь на него, а он там стоит и уссывается. Ясно. Ему она тоже не нравится. А во мне опасности он не видит. Сжимаю в кармане нож-бабочку, холод которого дарит спокойствие.

– Я не уйду отсюда, пока мне не назначат с ним встречу.

Сужает глаза до щёлочек.

– Ладно. Приходи в одиннадцать вечера, – ухмыляется девица, уверенная, что мне ничего не светит. – И не вздумай опаздывать!

Глава 4

Я кивнула и, развернувшись, врезалась в грудь охранника. Он сверлил меня недобрый взглядом, ожидая очередной подлянки. Но вместо неё я сладко

улыбнулась и провела пальчиком по его белой рубашке.

- До вечера, красавчик, не забудь меня пропустить.

Парень растерялся от такого поворота, растёкся на месте, как масло на сковородке, зарделся и даже забыл, зачем за мной шёл.

Я же спокойно прошествовала мимо него и покинула здание, удовлетворившись результатом.

Осталось найти мать. В центре города, в добротной сталинке, с вежливыми соседями, жил мамин дружок. Квартира досталась от родителей, и, кажется, он ни дня в своей жизни не проработал. Типичный паразит. Терпеть его не могла, как и всё её окружение.

Звонок рядом с дверью либо сломан, либо на него давно никто не реагировал. Я колотила в дверь в надежде, что кто-нибудь откроет. Но лишь ощущала внимательный взгляд через дверной глазок от соседа напротив.

- Открой, мать твою, Попов, или я сейчас вызову сюда госнаркконтроль! - кричу во всю силу лёгких, пиная дверь носком ботинка.

По ту сторону раздаются шаги, щелчок замка. Меня обдаёт зловонным ароматом давно немытого тела.

Тощий мужчина направляет на меня красные белки глаз, как у лабораторной крысы. Я вздрагиваю от его пустого, лишённого всякого выражения взгляда.

- Чего тебе? - он смотрит на меня и не видит. Не узнает даже.

- Мать моя где? - цежу сквозь зубы.

Блин, на его лице ни тени осознанности.

- Пшла отсюда. Не знаю, где эта шалава, - буквально выплёвывает, попадая слюной на мою щеку. Я отшатываюсь, словно на меня брызнули кислотой. Но успеваю подставить ногу в дверной проём, не давая ей возможности закрыться.

– Где Виктория Вишневская? – ловлю его за ворот белой майки, с силой притягивая к себе и вынимая из куртки ножичек, ловко разворачивая его в воздухе и прикладывая острием к горлу нарика.

Несколько секунд он недоумённо смотрит на меня, хлопает глазами, будто картинка, которую он видит, не похожа на реальность. Ну да, я не золотой единорог.

– Говори, где она, или я тебе глотку перережу, – шиплю, как ядовитая змея, стараясь придать своему лицу грозное выражение. Нет, никого убивать я не собиралась. Но вряд ли он так хорошо меня знает.

– Чеканутая, – приходит он к верному умозаключению, – она трахается с Ветрянским, ты не в курсе, что ли?

Нет, блин, не в курсе, потому что спонсоры её удовольствия меняются слишком часто.

– Где его найти?

Он сообщает мне название какого-то дешёвого ночного клуба, после чего я отпускаю его и сбегая вниз по лестнице. Кровь в жилах кипит, мне необходимо охладиться. Сделать перезагрузку своему процессору, из которого уже дымит. Но время ускользает. Нужно найти маму и вернуть её домой.

Грёбаная осень. Заходила в подъезд, было светло, вышла – на улице темень. Тени недобро расползаются по асфальту, предупреждая хороших девочек, что с заходом солнца гулять опасно. Жаль, что я к ним не отношусь.

У входа в обозначенный клуб тоже стояла охрана, но ей не было до меня никакого дела. Пропустили, даже не спросив паспорт.

Вечер только начал опускаться на город, и в заведении было пусто. Подошла к бару, постучала костяшками о деревянную стойку, дожидаясь, когда на меня обратит внимание бармен.

Парень, полирующий бокалы, окинул меня взглядом. Хмыкнул и подошёл.

– Что ты тут забыла, малышка?

Забираюсь на высокий стул, упираясь локтями в столешницу, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. Рассматриваю симпатичную мордашку бармена. Светлые, почти белые волосы, брови и ресницы темнее, отчего взгляд голубых глаз кажется ярче. Вдыхаю, показывая парню, как мне нравится на него смотреть. Его сюда специально взяли, чтобы тёлочки велись на красавчика. Правда, он мог выбрать заведение и получше. Наверное, хреново смешивает напитки.

– Мне Ветрянский нужен, подскажешь, где его найти?

Улыбка на полных губах гаснет, и взгляд становится отстранённым.

– Зачем он тебе?

Изливать душу незнакомому человеку желания не возникает. Но, похоже, просто так он мне ничего не расскажет. А трюк с ножичком с ним не прокатит.

– Моя мать у него. Забрать хочу, – честно признаюсь, сжимая челюсти.

Парень немного расслабляется, словно ему не хотелось верить, что я наркоманка, пришедшая сюда за дозой. Красивый всё-таки. Но мне не до отношений. В теле льдинка, как у Кая, делающая меня холодной и расчётливой.

– Ветрянский там, – кивает в сторону второго этажа, и я сползаю со стула на пол. – Будь осторожна, малышка.

Киваю ему благодарно.

Интуиция подсказывала, что надо делать отсюда ноги. Валить, пока не поздно. Но не могла. Снова сжала в кармане нож-бабочку. Сталь холодила кожу и проясняла мысли.

Каждая ступенька давалась с трудом. Чем ближе подходила к VIP-комнате, тем лучше слышала музыку и приглушённые голоса.

Отворила дверь и окунулась в мир разврата для бедных. Как далеко этому месту до заведения пресловутого Ямадаева. Там деньги и жизнь. Здесь нищета и смерть.

Я поискала мать, вглядываясь в пространство через туман из сигаретного дыма и травки, которую тут раскуривали. Хотелось уткнуться носом во влажную тряпку, потому что голова закружилась. В глазах защипало, скорее бы выбежать на улицу. Вдохнуть в лёгкие чистый воздух.

Даже не заметила, как ко мне подошёл мужчина. Или парень. Не могла определить его возраст. Он оглядел меня с головы до ног. Медленно прошёлся затуманенным взором по ботинкам, по длинным ногам, затянутым в тонкие чёрные колготки, с острыми коленками. Короткая юбка давала возможность изучить то, чем щедро наградила меня природа. И мать.

– Вау, свежий цветочек к нам заглянул. Какой дури ты хочешь? – интересуется шершавым, прокуренным голосом.

Отвожу от него взгляд. Снова рассматриваю местных обитателей. Они давно не покидали эту комнату. Достигли кондиции и оторвались от реальности так далеко, что, возможно, некоторых уже не вернуть. Тела лежали бездвижно, пустым взором пялясь в пространство. И теплились ли души внутри – большой вопрос.

Я тревожно всматривалась в обитателей, пытаюсь найти среди них мать. Какой бы она ни была, но она мой якорь. Мой последний якорь на земле. И если я её лишусь, что со мной станет?

Кусаю губы, возвращая взгляд к собеседнику.

– Мне нужен Ветрянский. Знаешь его? – вцепляюсь глазами в его лицо.

Не дав мне ответить, к нам подходит девушка и по-хозяйски кладет руку на его грудь. Будто я пытаюсь его забрать. Смешно. Оставь его себе со всеми потрохами. Но девушка смотрит на меня с ненавистью, так, словно готова перерезать мне глотку прямо сейчас. Будто я посягаю на что-то, что принадлежит только ей. Ее собственность. Такие чувства были далеки от меня. Я её не понимала.

Она шепчет что-то ему на ухо, пытаюсь отвлечь. А мне требуется, чтобы он лишь ответил на мой вопрос.

– Я тебе нужен, цветочек, – не обращая внимания на свою спутницу, улыбается мне пьяно.

Протягивает руку, ловя мой чёрный локон и тут же отпуская. Он пружинит от этого движения. А мужчину будто это завораживает. Он не может оторвать взгляда от меня.

Как же тяжело с наркоманами.

Щелкаю пальцами у его лица, пытаюсь привести в чувство.

– Мне нужна Виктория Вишневская, – произношу красивое имя матери, – знаешь, где она?

Его спутница ещё больше напрягается, сверлит меня злым взглядом. Будто убить на месте желает.

Не смотрю на неё.

– Зачем она тебе? – вопрос исходит от девушки. Резкий, дёрганный. Ох, мама. Даже сейчас в состоянии красть чужие сердца.

– Она моя мама, я пришла за ней, – выдыхаю в который раз за день одни и те же слова. На глаза наворачиваются слёзы от усталости и боли. Я кусаю губы, чтобы прийти в себя. Ещё чуть-чуть. Ещё один рывок, и всё наладится.

– А ты похожа на неё, – уже более внимательно меня рассматривает, сравнивая, – скажу тебе, где она, если отсосёшь мне.

Я уже думаю плюнуть на них и самой поискать её в этом пространстве. Но только делаю шаг в сторону, как на меня надвигаются охранники. Здесь они тоже были. Меня не пропустят. Вышвырнут за дверь.

– Ну давай. Отсосу, – устало отвечаю. – Где?

Его девушка тут же напрягается, словно готовясь ринуться в бой. Но он отталкивает её в сторону и обхватывает мою талию, прижимая к себе.

– Какая ты покладистая, мне такие нравятся, – улыбается мне жёлтыми зубами.

Отвечаю на эту улыбку, от которой мой скудный завтрак подкатывает к горлу. Ветрянский провожает меня в сторону двери, но я останавливаю его, впечатывая ладонь в грудь.

– Сначала скажи, где моя мать, – мягко улыбаюсь ему, выводя пальчиком узоры на его майке.

Макая моё тело, он подводит меня к какой-то кушетке, на которой лежит женщина, уткнувшись лицом в стену. Я тут же её узнаю. Тёмные, как у меня, волосы, худощавая, изуродованная наркотиками фигура. Вырываюсь из его объятий и беру её за руку. Жду, когда подушечки моих пальцев нащупают её пульс. Мгновение. Другое. И я ощущаю ритм сердца, бьющийся под кожей. Бросаю её руку, успокоившись. Жива. Выдыхаю.

Я иду с ним куда-то, едва различая дорогу. В голове гудит. Надо отсюда убираться и от него избавиться. Но здесь охрана. Он заводит меня в какую-то комнатку, пытается стянуть с себя джинсы. Его руки дрожат. Я наблюдаю за всем словно со стороны, привалившись к двери. Внутри опустошение.

Вот он тянет вниз джинсы вместе с белыми трусами. На свет появляется его член. Я отвожу глаза, ощущая омерзение. И мой взгляд утыкается в вазу. Не раздумывая беру её в руки и опускаю на его голову. Он не ожидал подобного. Миг смотрит в мои глаза. Удивлённо. Ошарашенно. А затем оседает на пол.

И я с ним. Ноги подкашиваются. Эмоций – море. Сжимаю кулаки. Беру себя в руки. Пытаюсь нащупать теперь уже его пульс. Жив. Такие не подышают. Но мне нужно прийти в себя. Да и рано отсюда выметаться. Сажу на полу ещё несколько минут и смотрю на его окровавленную макушку. Лишь бы не подох.

Тру лицо в надеясь вернуть ему чувствительность. А затем выхожу из комнатки и тут же врезаюсь в его подружку. Вновь этот злой, ненавидящий взгляд.

– Ах ты, маленькая дрянь, вздумала его у меня увести, – она резко вцепляется в мои чёрные кудри и тянет куда-то. Я так ошарашена, что не могу сразу собраться. Сжимаю ту руку, что держит в кулаке мои волосы, и пытаюсь ослабить хватку. Но без толку.

Эта сумасшедшая дура что-то приняла. Она не ощущает давление моих пальцев. Ей всё равно на боль. Девушка отпускает мои волосы и толкает в стену. После чего с силой ударяет меня об неё лицом. Боль расплзается по телу, оглушая. За закрытыми веками темнота. Сползаю по стене на пол. Мычу. Снова удар, на этот раз по губам, и я чувствую, как лопается кожа и на язык попадает кровь. Слизываю её, потому что она катится по подбородку.

Девушка вновь сжимает мои волосы в своём кулаке и режет, приговаривая:

– Ему так понравились твои кудри, что я оставлю их на память.

Я слышу, как хрустят ножницы в её руках, а мои тёмные локоны оседают на пол. Блестят на свету и падают чёрным, аккуратным завитком. Светятся, словно пылинки на свету. Сознание где-то далеко-далеко.

Открываю рот, и он оказывается полон крови. Плюю ею на пол под собой. Видя свои растопыренные пальцы. И снова удар под рёбра. Я отлетаю и падаю, в очередной раз прислоняясь к стене. Грёбаная сука.

Моё терпение на исходе. Я поднимаюсь кое-как и бегу на неё, врезаюсь в корпус. И девушка валится на пол. Ударяется. Хнычет. Ножницы выпадают из её пальцев.

Пока она не пришла в себя, я наношу удар кулаком ей в лицо. Снова и снова. Дышу тяжело, пытаюсь вспомнить, зачем я здесь. Но за меня говорит боль и ярость. Вдыхаю густой, прокуренный воздух. Никто из охранников к нам не лезет. Должно быть, подобное зрелище им не в новинку.

Мама.

Я очнулась и увидела себя оседлавшей незнакомку. С подбородка капает кровь. Её удивительно много. Чёрт. Небрежно вытираюсь кожаной курткой, оставляя на ней красные разводы. Провожу языком по зубам. Я люблю свои зубы. Белые, ровные. Не то чтобы я заботилась о собственной красоте. Но зубы в этом мире, где приходится выгрызать себе жизнь, далеко не лишнее оружие. Все на месте. Фух.

Встаю на подкашивающихся ногах. Нахожу маму. Она лежит в той же позе. Я трясусь её за плечо.

– Мама, – жалобно, – мамочка, очнись. Времени нет. Надо выбираться отсюда.

Она дёргается, отталкивает меня, но открывает глаза. Я пытаюсь привести её в чувство и беру с ближайшего столика кувшин с водой. Выливаю на неё. Мама захлёбывается, открывает глаза и пялится на меня. И всё равно не узнает.

Вновь сжимаю челюсти, да так, что кажется, сейчас по кости пойдут трещины.

– Пошли, – шепчу, поднимая её на ноги всеми силами своего тела.

Она кое-как приходит в себя, и я выволакиваю её из этого заведения. Спускаюсь по лестнице, ловя ошарашенный взгляд бармена.

Он бежит ко мне. Помогает её вести, и мы выходим на улицу. Я отпускаю маму, видя, как бармен её держит. Всё тело трясёт. Я дрожу, как в ознобе, думая о том, что в таком состоянии мне нужно добраться до апартаментов Ямадаева.

Бармен вызывает такси, ни о чём меня не спрашивая. Жёлтый автомобиль подъезжает. Я запихиваю на заднее сиденье мать и прошу водителя подождать. Бармен передаёт ему тысячную купюру, расплачиваясь за предстоящую поездку. Сил быть благородной нет.

– Верну, – кидаю ему на прощание и запрыгиваю в автомобиль.

На часах почти половина одиннадцатого вечера. Время утекает. Капает на мои мозги.

Пятнадцать минут уходит на дорогу домой. Везёт, пробок нет. Я затаскиваю маму в бабушкину квартиру, не слушая её причитания и ор, прошу вызвать медсестру, чтобы поставили капельницу, и выбегаю.

Снова тёмный двор. Темнота и тусклый свет фонаря. Попросила таксиста подождать. Забираюсь в тёплый салон. Из рта всё капает кровь. Рана на губе глубокая. Не скрыть. В голове ноль мыслей.

Доберусь и решу всё на месте. Кровь хлещет в венах. Бьёт во мне током. Стремительно бежит. Жажда жизни разгорается внутри, подстёгиваемая адреналином.

Имя. Имя. Имя.

Я готова на всё, только бы его узнать. А шанс ускользает сквозь пальцы. Кто же примет на работу девчонку, волосы которой обкорнали, а на лице не оставили ни одного живого места. Натягиваю шапку, залезая в неё поглубже. Прячусь под ней.

– Приехали, – сообщает водила, и я выбираюсь на свет фонарей, освещающих стены ночного клуба.

Вот два знакомых охранника стоят на входе и отбирают людей, которых пропускают в жаркое нутро ночного клуба. Отдаю отчёт своему внешнему виду. Но других вариантов нет. Игнорируя очередь, подхожу к пареньку, тому самому, что мёрзнет. Тычу окровавленным пальцем в грудь. Я вся в крови. Не разобрать, в своей или чужой.

Переводит на меня ошалевший взгляд. Узнаёт меня только по одежде и стройным ногам в порванных колготках.

– Пропусти, – прошу, смотря на него покрасневшими глазами.

Наверняка он видел многое. Но такую, как я, – никогда. Я вызываю в нём шок.

Охранник продолжает меня разглядывать, теряя дар речи.

А я соображаю, что даже не знаю, куда идти.

Касаюсь грязными пальцами его белой рубашки, оставляя на ней следы, и притягиваю его ближе.

– Пожалуйста, дай к нему пройти. Потом отблагодарю, – вру. Ничем не отблагодарю кроме красивого слова. Но мне нужно туда. К нему. К хозяину этого адского логова.

– Проходи, – глухо отвечает, сам не веря, что помогает мне, – он живёт на самом последнем этаже. Там лишь одна дверь.

Я киваю. Прохожу внутрь, окунаясь в ночную жизнь, и ищу лестницу. Добраться бы.

Один этаж. Второй. Ещё и ещё. Восьмой этаж.

Тёмный коридор, устланный ковровым покрытием. И действительно. Одна дверь на весь этаж. Обычная с виду. Но ручка не поддаётся.

Я сажусь под ней и жду. Понимаю, что буду ждать, пока он не объявится.

Цифры на экране сотового оповещают о том, что уже полночь. Но никто не приходит. Ти-ши-на. Я сворачиваюсь клубочком под дверь, испытывая лютую ненависть к тому, кто опаздывает. В одиннадцать он должен был прийти. В одиннадцать! Но здесь ни души. Сюда даже не проходят посторонние звуки, не то что люди. Я с трудом вспоминаю, как сама пробралась на этот этаж. Это всё тот охранник. Он дал знак другим, чтобы пропустили меня. Неужели понравилась?

С этими мыслями я засыпаю под дверь. А просыпаюсь, когда чей-то ботинок врежется в мой бок. Нет, не больно. Так проверяют кучку мусора. Нет ли внутри живности. Грызунов вроде помоечных крыс.

– Что это за шавка, Шамиль? – раздаётся где-то рядом сладкий голос.

– Понятия не имею, – сухой ответ.

Похоже, администратор не предупреждала его обо мне...

Я разлепляю слипшиеся ресницы и поднимаю голову. Ох. Чёрт. Я умерла и попала в рай.

Это же надо быть такими идеальными. Он. В костюме-тройке. Неимоверно высокий. Широкоплечий, закрывающий собой свет. Мне не видно его лица, лишь очертания фигуры. И она. В красном шёлковом платье. Смотрит на меня как на ничтожество.

Я улыбаюсь им обоим окровавленными губами, чувствуя, как кожа вновь трескается. Кровь струится в рот и по подбородку. Медленно встаю на четвереньки. Сил в конечностях нет, и встать на ноги я просто не в состоянии.

Сознание мутное, даже безумное. Но мне совершенно нечего терять, и так понятно, что меня сейчас вышвырнут. Кинут в мусорку, туда, где мне и место.

Вместо того чтобы уползти, скрыться от их взглядов и оскорблений, я, как уличная дворняга в поисках подаяния, тыкаюсь лбом в ногу мужчины. Лащусь. Поднимаю к нему лицо, скалясь.

– Гаф-гаф, – вновь показываю зубки и высовываю язык, тяжело дыша.

Шавка. Вот вам шавка.

Глава 5

Голова кружится, меня подташнивает, желудок скручивается в узел. Благо – пустой.

Я всё ещё не вижу человека, к которому пришла устраиваться на работу. Вновь пытаюсь его рассмотреть. Из любопытства вглядываюсь в тени, закрывающие его лицо. Он словно специально так стоит, чтобы я не видела его глаз. И в то же время я перед ним как на ладони. Со всеми ссадинами, синяками, в дурацкой шапке, скрывающей то, что осталось от моих волос.

Одно мгновение, и он совершает шаг в мою сторону. Свет расползается по его лицу и волосам, давая мне возможность разглядеть чёрные, как нефть, глаза. Тьма в них такая густая и насыщенная, что становится не по себе. Его взгляд – это первое, что я замечаю, отшатываюсь, почему-то ощутив страх.

Не разрывая нашего зрительного контакта, мужчина садится передо мной на корточки. Смотрит на меня, а я на него. В радужке ни проблеска света, только тени. Они опускаются на моё тело, укрывают тёмной волной странного, первобытного ужаса.

Я встречала много преступников. Головорезов, сутенёров, убийц. Но почему-то они не вызывали во мне и капли тех эмоций, что дарил этот денди.

А он действительно выглядит как денди. Его руки спрятаны в кожаных водительских перчатках, такие я видела лишь в кино. Скроенный по фигуре модный костюм сидит идеально, давая возможность угадать очертания ладного мужского тела. Гибкого и сильного. Опасного. Отчётливо понимаю, что он может убить меня одним незримым движением. Я и не замечу, как задохнусь и умру.

И его лицо... от вида которого моё девичье сердце бьётся быстрее. Красивый, да. Какой-то жуткой, первобытной красотой. Как тёмный бог, забирающий души и уводящий за собой по ту сторону мироздания.

Ох, это всё боль мутит моё сознание, вышибая весь разум из головы.

Когда в мозгах возникает просветление, я замечаю, что из карих глаз незнакомца льётся простая истина – я для него мусор. Шлак. Убрать меня ему ничего не стоит, и от этого становится ещё более не по себе.

– Что ты? – тягучий, как мёд, голос раздаётся совсем рядом. Спокойный, ровный.

Его обладатель изучает меня как под микроскопом и всё никак не может определить, к какому виду я отношусь.

– Что я? – мой голос резонирует, отражаясь от его. Хмурюсь и никак не могу сообразить, почему этот вопрос звучит так неправильно. Глаза сужаются до щёлочек, пока я сверлю его взглядом в ответ.

Брови мужчины немного приподнимаются, давая мне понять, что он не станет повторять дважды.

А я вдруг остро осознаю, что продолжаю стоять перед ним на четвереньках. Двусмысленность моей позы заставляет губы изогнуться в кривой улыбке. Вероятно, это всё гормоны, что организм выбрасывает в вены. Они притупляют инстинкт самосохранения, обнажая мою несдержанность.

– Я ваша новая горничная, – слова слетают с окровавленных губ как музыка. Потому что я их почти пропеваю. Мурлыча себе под нос.

На что ловлю хмурый взгляд мужчины. Пытаюсь прочесть его реакцию по глазам. Но вновь вижу лишь густой мазут. Чернота, от которой жуткие мурашки стремительно разбегаются по телу.

– Шамиль, она сумасшедшая, вызови охрану, – лопочет сладким голоском его девушка, такая красивая, что у меня голова кружится от выброса огромной дозы инсулина в кровь.

– Ты что, не слышала? Она моя горничная, – мужчина выпрямляется и прикладывает электронный ключ к двери.

Я ошалело наблюдаю, как дверь распаивается и пара проходит внутрь. Не зря она назвала меня шавкой, потому что я продолжаю стоять перед распахнутой дверью на четвереньках, заглядывая в апартаменты.

Мне никто не говорит, что можно пройти следом. Но никто и не прогоняет.

Цепляясь окровавленными пальцами за дверной косяк, я с трудом поднимаюсь, ощущая головокружение и тошноту. Не знаю, она подкатывает к горлу оттого, что меня били, или от страха перед этим мужчиной.

Из последних сил захожу внутрь и закрываю за собой дверь, словно давая понять, что теперь меня отсюда не выгнать. Но люди, зашедшие в апартаменты, даже не обращают на меня внимания. Девушка, медленно разоблачаясь, проходит в одну из комнат, оставляя за собой следы из обуви, одежды и нижнего белья. Я заторможенно разглядываю её тонкую спину и длинные ноги,

не соображая, куда я попала и почему эти люди так себя ведут.

Словно меня тут и нет. Словно я предмет интерьера. Или тот самый пакет мусора, что нужно взять за ручки и вынести куда следует.

– Не притрагивайся здесь ни к чему, пока не отмоешься, – наконец обращается ко мне мужчина и уходит вслед за девушкой, вытаскивая из рубашки запонки.

Вот так просто меня приняли на работу?

Я оглядываюсь, рассматривая место, куда попала. Оно кажется гораздо бо?льшим, чем я себе представляла, сидя под дверью. Окна от пола до потолка, открывающие невероятный вид на ночной город. Мост, ведущий в парк, широкую дорогу, солнце, что медленно поднималось над горизонтом. Этот вид так заморозил меня, что я на мгновение забылась. А затем опустила взгляд на собственные руки. Грязные, с поломанными ногтями, под которыми запеклась кровь. Нужно умыться.

Несколько минут у меня ушло, чтобы наконец найти ванную комнату. Просторную, из серого гранита, с чёрной матовой сантехникой. Здесь царил идеальная чистота, и я замерла на пороге, не зная, стоит ли мне марать своими следами это помещение. На ногах носки и тонкий капрон под ними. От ботинок я избавилась при входе. И ноги грели тёплые полы. Приятное ощущение.

Закрывает за собой дверь и уже хотела двинуться в сторону умывальника, но стоило сделать шаг, как мир погас. Понимала, что стою с открытыми глазами, но вокруг лишь темнота. Ноги подкосились, и я упала на пол. Сознание предательски покинуло меня. Так не вовремя.

Не знаю, сколько я так пролежала, пока не поняла, что больше не одна в помещении. Кто-то вошёл, переступив через меня. Я отчего-то явственно это ощутила. Сама не знаю почему.

Приоткрыла глаза, и первое, что увидела, – голые ноги, поросшие тёмными волосами. Осоловелым взглядом медленно поднялась выше, подмечая накачанные икры, рельефные бедра и задницу. Мужскую задницу, увенчанную ямочками над поясницей. Узкую талию, перетекающую в широкую спину и плечи. Со всеми сухожилиями, мышцами, перекатывающимися при каждом шаге.

Взгляд вновь ухнул вниз на мужские ягодицы. Сложно было оторвать от них глаза, когда мужчина начал движение.

Малознакомое чувство зародилось во мне, закрутилось в воронку внизу живота, потянуло сладкой истомой, посылая плохо читаемые сигналы по телу. Что со мной? Почему я так реагирую? Это самое смутное желание уютно улеглось внутри меня, свернулось тёмным комком, давило. Заставляло дышать глубже и чаще. Я приподнялась немного, чтобы лучше разглядеть мужчину, почему-то совершенно забыв, что веду себя неприлично. Что не должна так откровенно пялиться. Но эти мысли не остановили меня. Не заставили отвернуться.

Напротив. Я сожалела, что стеклянная створка душевой запотела и не давала мне возможности лучше разглядеть его. Видела лишь очертания мощного мужского тела и, возможно, даже члена. Сглотнула сухим горлом. Облизала потрескавшиеся губы.

Вода прекратила литься, и, будь я чуточку разумнее, сделала бы вид, что всё ещё в отключке. Но продолжила как прибитая сидеть на месте.

Но, похоже, для мужчины я невидимка.

Он вышел из-за стеклянной створки, ничуть не стесняясь своей наготы. Взгляд заметался по его телу, спустился по тёмной дорожке волос, ведущей от пупка вниз. Отметила про себя, что он бреется. Приоткрыла рот, внимательно изучая его мужское достоинство. А его половые органы именно этим словом можно было охарактеризовать. Член не эрегирован, но даже так я видела, что природа его не обделила. А щедро наградила. Я с трудом отмахнулась от догадок о том, как он выглядит в возбуждённом состоянии.

Взяв с соседней полки полотенце, он закрыл передо мной зрелище, которое я раньше наблюдала только в порнофильмах итальянского производства. Кровь журчала в венах, приводя меня в чувство. И когда мужчина вышел, я с трудом осознавала, как всё случившееся выглядело со стороны.

Кто из нас двоих больше болен? Я – откровенно пялящаяся на него. Или он – не обращающий на мой взгляд внимания.

Впрочем, откуда мне знать. Ведь мои глаза так ни разу и не добрались до его лица.

Краска на мгновение залила щёки, уши, шею. Стало ещё жарче, хотя дальше некуда. Кожа покрылась испариной, и я ощутила, как тёплый пол под моим задом начал раздражать. Поднялась на ноги.

Вытяжка в помещении хорошо работала. Зеркало даже не запотело, и потому я некоторое время непонимающе смотрела в зеркало. На себя, но совсем не узнавая в отражении жуткую незнакомку.

Рука дрогнула, когда я потянулась за шапкой. Я знала, что бо́льшая часть волос осталась в той комнате. Но не представляла, как выгляжу. Медленно стянула головной убор и ощутила тупую боль. Будто отголоски того удара, что я получила под рёбра. Сдавленно застонала, сдерживая слёзы, которые так и норовили заструиться по щекам и солью разъесть порванную губу.

Вцепилась пальцами в умывальник, переживая, когда ужас схлынет. Меня изуродовали. Где-то сохранилась вся длина волос, а на макушке, у висков я видела лишь кровавые ранки. И всё же не сдержалась. Слёзы застыли на кончиках ресниц, повисли на короткое мгновение и потекли ниже. Подняла лицо к потолку, чтобы ручеек не попал в рану. Глухо застонала.

– Это всего лишь волосы, – проговорила вслух, успокаивая себя, – ерунда. Отрастут.

Собственная внешность никогда особо меня не волновала. Но в то же время сколько раз меня спасало моё смазливое личико? Она, как броня, защищала, когда никто больше не мог вступить. Тёмные волосы, раскосые глаза, губы, пухлые, по современной моде. Ничего особенного вроде, но парням нравилась. Для кого-то красота – средство заработка. А для меня – средство самозащиты. Правда, не в тех случаях, когда меня хотели взять силой. Тогда спасал только нож-бабочка. Хмыкнула.

Включила тёплую воду, не понимая, как обработать губы, которые при любом движении отзывались болью. Рана начала засыхать, покрываясь корочкой. Порылась в шкафах и нашла коробку с лекарственными препаратами. Ура, тут была и ранозаживляющая мазь. Умылась и щедро нанесла белый крем на все

порезы. Покопалась ещё в таблетках и, отыскав обезболивающее, проглотила, запив проточной водой.

Не зная, что делать дальше, я вышла из комнаты. Может, он даст какое-то указание? Не зря же он пустил незнакомого человека к себе. А вдруг я что-нибудь стащу? Похоже, такие мысли не приходили ему в голову.

Ещё раз, уже более внимательно огляделась. Красивый интерьер, очевидно, им занимался профессионал. Каждая деталь идеально гармонировала с общим фоном, создавая атмосферу тепла и уюта. И в то же время намекая, что это исключительно мужская территория. И утром дамы, что грели постель ночью, должны её покинуть.

Просторная кухня-гостиная, два больших дивана, мягкие кресла. Здесь было бы здорово наблюдать за заходом солнца с чашкой горячего чая в руках. Я так явственно себя здесь представила, в безопасности и уюте, что пришлось тряхнуть головой, чтобы отогнать сладкий морок.

Отвлеклась и подумала, что нужно найти Ямадаева. Так, кажется, звучит его фамилия. Интересно, как к нему обращаться?

Ноги сами меня несли вглубь апартаментов, хотя, наверное, следовало остаться на месте. Но не могла. Неведомые нити тянули меня, и я ступала за ними, вновь заглушая голос разума. Зато слышала другие голоса. Вздохи и стоны, тяжёлое дыхание. Знала, что снова делаю что-то неправильное, но не находила в себе сил остановиться. Стоп. Стоп. Стоп!

Но ноги сами несли меня вперёд, и я вновь уткнулась взглядом в ямочки над ягодицами. Бёдра мужчины совершали резкие движения. Я смотрела широко распахнутыми глазами, понимая, что вечер итальянского кинематографа продолжается. Видела, как его руки сжимают женскую задницу. Худую, держаться там было особо не за что. По крайней мере с этого ракурса так смотрелось. Девушка лежала в коленопреклонённой позе, уткнувшись лицом в постель, сминая в кулаках покрывало. И стонала, так тонко, что казалось, просит о помощи.

Внутри меня вновь разгорелся непонятный пожар. И надо бы бежать. Уносить отсюда ноги. Открыть дверь и спуститься по лестнице. Уйти как можно дальше.

К чёрту. К бабке. Но не оставаться тут. Не наблюдать, как он продолжает вколачиваться в податливое женское тело.

Они располагались от меня вполоборота. Его лицо резко повернулось в мою сторону. Тёмные глаза вцепились в меня взглядом, ещё сильнее пригвождая к месту. Но точные, жёсткие и мощные движения его бёдер не прекратились. А я стояла, попав в плен его глаз, и не могла ни пошевелиться, ни вздохнуть.

Глава 6

Вновь проснулась на тёплом полу в ванной комнате от ощущения чужого присутствия. Не раскрывая глаз, догадалась, кто стоит в дверном проёме и ждёт. Как давно он тут? Стало не по себе.

В мозг мгновенно ударило воспоминание о том, что я видела ночью. Ох, чёрт. Может, мне приснилось всё? Нет. Не приснилось.

Когда в ночи наши глаза встретились и я пришла в себя, поняв, что творю и где нахожусь, то резко отшатнулась. Сделала шаг назад и ударилась обо что-то за спиной, разбивая хрупкий предмет, и ринулась вон из комнаты. Испугалась. Собственной реакции и этого человека. Я даже подумала в тот миг, что, возможно, плата за информацию Соломона оказалась слишком высока для меня. Не по зубам мне тягаться с Ямадаевым.

Дёрнула ручку входной двери, но она не поддавалась. Он закрыл нас? Да. Закрыл. Намеренно. И знает, что мне не уйти, поэтому и не отрывается от важного процесса, чтобы наказать меня за подглядывание. И не только.

Желудок болезненно скрутило, тошнота подступила к горлу, и, опасаясь здесь всё испачкать, зажимая рот, я побежала обратно в ванную. Избавилась от остатков еды и воды и устало привалилась к стене, ощущая выступивший на лбу и висках пот.

В какой-то момент сил думать и бояться не осталось. Резерв моих эмоций иссяк, и, ополоснув рот, я устроилась на полу, подложив под голову сложенное махровое полотенце. Мягкое и пахнущее чем-то невообразимо приятным. Как и

всё в этом доме. Включая хозяина.

И сейчас медленно поднялась, стараясь не совершать резких движений, и всё же на короткое мгновение перед глазами возникла тьма. Поморгала, и та быстро развеялась.

Мужчина молча наблюдал за мной, как за диким зверьком. Маленьким, но большим бешенством. И его внимание дико нервировало.

– Следуй за мной, – наконец раздалось распоряжение.

Ямадаев развернулся и ушёл, а я, хватаясь за дверной проём, последовала за ним. Что ж, на этот раз я лицезрела его зад в брюках. И под ними, возможно, даже было нижнее бельё. Перед глазами снова предстала картинка, впечатавшаяся в моё веко татуировкой. Смежу веки и зад его вижу. И собственную реакцию, от которой мгновенно запылали щёки и уши.

Мужчина опустился на диван и кивнул, чтобы я села. Поцарапал колючим взглядом. Без тени интереса. Но этот новый зрительный контакт заставил меня сидеть смирно и не творить глупостей. Пригвоздил к месту. Без слов. Будто после ночных событий у этого человека появилась какая-то власть надо мной.

Возможно, оттого, что я впервые ощутила себя слабой перед мужчиной. Беззащитной. Но разбираться в собственных чувствах времени не имелось. Я здесь с другой целью.

– Кто тебя сюда послал? – вопрос произнесён без эмоций. Сухо. Скупое. Но глаза не отрываются от меня, будто проверяя на детекторе лжи. И я вспомнила слова Соломона: не врать ему.

В груди стало горячо от быстрого биения сердца. Страх сковал тело, и, если он заметит это, мне несдобровать.

Вот почему он впустил меня в дом и запер дверь. Он догадался. Это исчадие ада догадалось, что я засланный казачок. И как только его предположения подтвердятся, что он сделает со мной? Убьёт? Он способен. В этом я ни секунды не сомневалась. И если ночью я хотела сбежать, то сейчас сбежать уже слишком

поздно. Назад пути нет.

– Я узнала, что здесь освободилось рабочее место, и решила попытать удачу, – ответила, стараясь не дёргаться. Не поправлять волосы, не чесать нос, не сжимать пальцами собственную одежду, не кусать губы.

– Вот как, – спокойный ответ, не выдающий никаких эмоций.

Я разглядывала его в свете дня, хотя солнце лилось именно на меня. Но даже в таком положении мне было хорошо его видно.

На нём вновь безукоризненно сидящий костюм. Слово он в нём родился. Но не из тех дешёвых, что носят офисные клерки. Его одежду отшивают наверняка где-то в Италии.

Запястье сковывают тяжёлые часы. Обычные, с кожаным ремешком, ничего блестящего или яркого. Других украшений на мужчине я не заметила. Да и ни к чему они были. Его лицо само по себе произведение искусства. Слово вылепленное умелым творцом из мрамора. И такое же холодное и отчуждённое. А я, избитая и полуживая, показалась себе ужасной замухрышкой перед ним.

Да он на меня даже при полном параде не взглянул бы. Я помнила красавицу, с которой ночью он яростно сношался, и горло тут же сжало до боли. Непонятной мне жажды.

– Да, мне нужна работа. Очень, – как можно более правдоподобно произношу.

Впрочем, работа мне не помешает. Ещё одна.

Мужчина лениво рассматривает меня.

– И поэтому ты пришла в таком виде? – взгляд опускается на порванные колготки.

В нём нет никакого мужского интереса. Как и тогда, ночью, я его смущаю не больше, чем предметы интерьера. Неодушевлённые.

Опускаю ресницы на край короткой юбки. Что-то мне подсказывало, что все мои приёмчики, которые я успешно практиковала на парнях, с ним не сработают. Ни мои улыбки, ни взгляды. Ни позы.

Максимальная честность и никаких ужимок.

– Перед этим произошёл инцидент в моей семье, – отвечаю сдавленно, надеясь, что не переигрываю, – отчим ударил. И если я не устроюсь на работу, то это вновь повторится.

Да, вру. Но сказать правду тоже не могу. Впрочем, так уж ли я вру? Ведь раны я получила по вине очередного хахаля моей матушки.

Поднимаю взгляд на Ямадаева, ожидая встретить жалость или сожаление. Но ничего подобного в отражении тёмных глаз не нахожу. Лишь бездна, ставшая привычной. Верит ли он мне? Что-то сомневаюсь.

– Хорошо. Раз ты так хочешь работать. Ты получишь работу, – произносит, поднимаясь, и я вдруг понимаю, что в его словах скрыта какая-то уловка, которую мне предстоит разгадать.

Он следует к выходу. Подносит электронный ключ и после щелчка дёргает ручку. Вот как. Значит, дверь всегда закрыта.

Иду за ним, хоть он и не просил. Двери лифта распахиваются тоже лишь после того, как он прикладывает электронный ключ к считывающему устройству. Я захожу в зеркальный чертог и вижу вновь своё жуткое отражение. Мелкая, в шапке, порванных колготках, мини-юбке и с разбитым лицом. И он рядом. Как древний карающий бог. А я всего лишь маленькая жертва для него. Которую, похоже, он не желал принимать.

Лифт останавливается на первом этаже. Мужчина выходит. Никаких приказов. Он знает, что я за спиной. Он уверен, что я не сбегу.

Замечаю, как девушки в помещении застывают. Их взгляды приковываются к нему, следят. Жадно, с трепетом. Будто каждая из них хочет попасть в поле его внимания. Стать избранной. Как та ночная красотка.

К нам подбегает администратор. Та которая, посчитавшая меня недостойным отребьем.

– Нелли, эта девушка будет работать здесь посудомойкой. Проследи за её оформлением, – отдаёт ей указание, и я понимаю, как крупно промахнулась.

Смотрю на него, не в силах сдержать ярость. Посудомойкой?! Да какого чёрта!

– Ты же хочешь работать здесь? – его цепкий взгляд сверлит меня недобро.

Сказать, что мне нужно находиться рядом с ним. В его апартаментах. Чтобы следить и вынюхивать, я, конечно, не могу. Сжимаю челюсти с силой, пытаюсь погасить в себе ярость. Ничего. Я что-нибудь придумаю. И вновь поднимусь туда. На его этаж. И получу нужные сведения.

Нелли рассматривает меня с удивлением и неприязнью. Наверняка не ожидала подобного поворота, подставляя меня. А потом я ловлю её взгляд, обращённый на Ямадаева. Голодный и трепетный. Кинь он ей кость, и она побежит сломя голову, виляя задом, как хвостом. Чёрт. Ещё влюблённых дур мне под ногами не хватало.

– Конечно хочу, – хмыкаю своей фирменной улыбкой. Не в силах таиться и сдерживаться. Нагло. От злости всё напускное спокойствие сыпется к чертям, как разбитое зеркало. И когда ранка вновь кровит, и я слизываю кровь языком и ловлю его взгляд на своих губах.

Глава 7

Когда наши глаза вновь встречаются, я словно ударяюсь лбом о кирпичную кладку. Расшибая об неё свою дерзость. Да, он смотрит на меня. Изучает. Взвешивает. Пытается раскусить. Понять, что я за фрукт. Но лишь потому, что не верит мне.

На пути к цели у меня только одна дорога, один путь. Заполучить его доверие. Не знаю, правда, как. Для начала работой.

Ямадаев отходит вместе с Нелли, подальше от моих ушей. Наверняка давая дополнительные указания по мою душу. Девушка ловит каждое его слово, кивает и кажется безнадёжной. О боги, надеюсь, я вчера выглядела не так же, когда пялилась на него.

Не прощаясь и даже не посмотрев в мою сторону, мужчина уходит. Готова биться об заклад, что Нелли впервые вздохнула, когда он отошёл от нее. А затем я замечаю, как она пялится на его задницу. Интересно, перед ней он тоже ходил голый? Или, может быть, вчера я попала на эксклюзивное представление?

А ведь он ни словом, ни взглядом не обмолвился о том, что произошло в ванной. И потом – в его спальне. Вёл себя так, будто щеголять перед незнакомками, размахивая членом, для него в порядке вещей.

Самоуверенное животное!

– Ах ты, малолетняя дрянь, – шипение Нелли спускает меня вновь с восьмого на первый этаж. Даже не заметила, как она подошла. – Я тебе здесь такой ад устрою!

Она сдавливает мою кисть своими тонкими пальчиками с острыми красными ногтями, которыми намеренно впивается в кожу. Устало смотрю на неё, ломая губы в болезненной улыбке. Ад я вижу каждый день. Я в нём живу который год. Он в моей квартире, в моей жизни, в моём сердце.

– Ну попробуй, – пожимаю плечами, – главное, зубки не сломай.

Нелли застывает на мгновение. Удивлённая моим спокойствием. Отсутствием страха. Да и откуда ему взяться? Что она может мне сделать? Смешно даже.

Нелли такая же нищобродка, как и я. Но, уверена, в её жизни нет антуража в виде матери-наркоманки, почившего отца-бандита, брата с пулей в спине и бабки, которая ждёт, когда я сдохну. Нет. Не ей меня пугать.

Её рот открывается. Она пытается подобрать достойный ответ, но под моим взглядом её самоуверенность сдувается. До неё только сейчас доходит, как я выгляжу. Украшенная синяками и ссадинами. В голове зреет вопрос: почему.

– И не таких тут ломали, – берёт себя в руки, и я понимаю, что она придумает, как меня достать, – я всё сделаю, чтобы тебя отсюда вышвырнули. Запомни.

За что она меня так возненавидела, интересно.

Нелли выдыхает свою злобу и с важным видом уводит меня в сторону подсобных помещений. Одно, другое. Подальше от посетителей ресторана, ближе к мусорке. Мы попали в белый, ярко освещённый холодным светом закуток. Сообразила, что здесь начищают столовые приборы.

К нам подходит дородная женщина с типичным славянским лицом. Из тех, что в горящую избу войдёт, коня на скаку остановит и перемоеет всю посуду. И я догадываюсь о том, что буду теперь работать под её началом.

– Это Валентина Михайловна, она покажет тебе здесь всё. Один косяк – и за дверь. Хозяин не прощает ошибок, – напыщенно выдыхает мне в лицо Нелли.

– По тебе будто каток проехал, – замечает женщина, с интересом разглядывая меня.

Лишь когда Нелли уходит, я даю себе возможность проявить слабость. Приваливаюсь к стене. Прикрываю веки, заглушая подступающую тошноту. От усталости, стресса и голода. Но во рту всё равно скапливается слюна из-за близости этой комнаты к кухне. Они разделены. Здесь лишь грязная посуда. Но доносящиеся запахи ударяют в голову.

Обычно я спокойно переношу голод, сама забываю поесть и перекусываю на бегу.

– Тебе нехорошо? – раздаётся рядом вопрос. А я медленно сползаю на корточки и встречаю задом пол.

Голова кружится. Сдавливаю пальцами виски.

Едва ощущаю, когда мои плечи сжимают, помогая подняться. Проводят куда-то и усаживают на стул. Почувствовав пальцами твёрдую поверхность стола, я складываю руки и кладу на них голову. Тут же отключаясь.

– Сначала поешь или поспишь? – сквозь туманное сознание раздаётся желанный вопрос. Сказочный. Давно не слышала такого потрясающего сочетания слов.

Раздумываю. Всё же тошнит от голода.

– Ем. Поем.

Запах еды оказывается опасно близко, приводит в чувство лучше нашатыря. Разлепляю ресницы. Втягиваю в себя аромат, исходящий от горячего супа. Рядом тренькает ложка. И я, как дикарка, хватаюсь за неё и погружаю в суп. Первая ложка обжигает язык. Горячо. Еда попадает в желудок, заглушая болезненные ощущения. Сосущую тоску. Пустоту. Вторую ложку смакую на языке, прикрывая от удовольствия глаза. Божественно. Уничтожаю суп за пару минут.

И выдыхая, откидываюсь на спинку стула. Ловлю на себе внимательный взгляд. Жду вопросов. Но их не возникает. Лишь удивление и даже страх. Нет. Не меня боится женщина. Её пугает моя жизнь.

– Приходи завтра утром. Не опаздывай. Здесь действительно не прощают промашек.

Поднимаюсь и ухожу. Сил нет даже сказать спасибо. Язык еле ворочается.

С трудом добираюсь на автобусах до дома. Мечтаю лишь о том, как приму душ и упаду на постель. Обниму с силой подушку и отрублюсь.

Провернула дверной замок. Вдохнула запах этого дома. Чужой и негостеприимный. Я так и не привыкла к нему. Здесь всё пахло вещами бабушки и ей самой. Запах злости и перманентной раздражённости.

Сбросила ботинки и, как была, в кожаной куртке прошла в комнату, ощущая на себе взгляд бабушки. Остановилась, уставившись на пустую кровать матери.

– Пока ты шлялась, я вызвала скорую. Скажи спасибо. У твоей мамы передозировка, – за спиной пояснила бабушка. Меня будто окатили ледяной водой. Мороз прополз по позвонкам и забрался прямо в мозг.

Мгновение смотрю на постель брата. В его глазах смирение. Он тоже ждёт смерти матери.

Не позволю! Разворачиваюсь, с бешенством вглядываюсь в лицо бабки и сжимаю до боли кулаки.

– Когда? Почему ты не позвонила? – едва сдерживаюсь, чтобы не кричать, но слова со свистом проходят сквозь сжатые зубы. Знаю, что она может вообще ничего мне не объяснить. Включит садиста и начнёт пытаться меня неизвестностью.

Голова уже трещит от боли. От осознания того, что сейчас нужно бежать в больницу. Я знаю, как врачи относятся к таким, как моя мать. Если решат, что она никому не нужна, то даже не станут помогать. Бросят умирать. На глаза накатываются слёзы, но я заталкиваю их обратно. Не время плакать.

– Можно подумать, ты ей чем-то в состоянии помочь, – равнодушно сказала женщина, родившая мою мать.

Мне хотелось ударить её. Даже убить. Ненависть воронкой закрутилась в груди, сдавливая рёбра и мешая дышать.

С большим трудом удалось получить у старой гримзы ответ о том, в какую больницу увезли маму. Выскребла из заначки все накопления и выбежала из дома. Усталость отошла на второй план, уступив место страху. И тёмным мыслям. Они, словно вороны, витали надо мной, посылая картинки очередных похорон. Последних. Встряхнула головой, с силой их прогоняя. Нет. Её не отдам. Слезы всё же потекли по щекам, и я позволила себе эту слабость, пока добиралась до больницы.

Успокоилась, лишь поняв, что маму откачали. Успели. Но что будет в следующий раз?

Она лежала на койке под капельницей. Худая. Измождённая. Пустым взглядом смотрящая на меня. Ей было безразлично, здесь я или нет. И это ранило. Пожалуй, она последний человек на земле, который способен причинить мне боль.

Отдав имеющиеся деньги врачу, чтобы лучше за ней смотрели, я устало вышла на улицу.

С трудом помнила, как вернулась домой. К бабке. Как уткнулась лицом в подушку и мгновенно вырубилась. Упала в чёрную пустоту, которая тут же меня поглотила. Приняла в свои объятия. Смилостивилась и не посылала мне ни снов, ни эмоций.

Блаженство. Удивительно, что ни один кошмар не пробрался. Но это такая редкость. Потому что они везде. И во сне. И наяву.

Проснулась рано утром, взяла в руки хозяйственные ножницы и обрезала оставшиеся кудри. С рваными концами я выглядела ужасающе. Но лучше так, чем пряди волос жалостливо топорщились бы из-под шапки. Но и её я всё же нацепила. Иначе никак не скрыть своё уродство.

– Одевайся, – приказала новая начальница, когда я заявила на работу.

Выдала мне белую форму, шапочку, под которую убирали волосы, и жёлтую бирку с моим именем. Точнее, чужим, но им об этом знать необязательно.

– Жёлтая бирка даёт тебе право проходить в помещения на этом этаже, – сообщает Валентина Михайловна. – Оставшиеся этажи для тебя закрыты.

С недоумением слушаю её.

– Как так? – хмурюсь.

– У каждого работника есть свой уровень доступа. В зависимости от того, какие этажи обслуживают. У нас самый низкий уровень. Первый этаж.

Как тут всё хитроумно устроено. Надо засунуть свой нос на каждый этаж.

То, что нельзя было сложить в посудомоечную машину, пришлось мыть руками. А затем полировать, начищая до блеска.

Нелли несколько раз заглядывала в мою каморку. Проверяла. По глазам видела, что в её голове зреет план. Даже любопытно, какую подлянку её умишко способен придумать для меня.

В обед сбегала в ближайшую дешёвую парикмахерскую и попросила сбрить волосы машинкой. Мастер хотела оставить длину больше. Но я не пошла на уступки и вышла оттуда с ёжиком на голове. Поняла вдруг, что без волос стало гораздо холоднее, и вновь залезла под шапку. Провела ладонью по волосам. Удивительно, но ощущения были приятными. Словно глажу бархат.

Вернулась на работу в логово «Рая», ловя на себе удивлённые взгляды коллег по цеху. Глаза сами искали Ямадаева. Не понимала, почему хочу его увидеть. Дурацкое чувство.

Рабочий день пролетел стремительно, оставляя в моём теле усталость и разочарование. Я ни на шаг не приблизилась к своей цели. Убивать время, работая посудомойкой, мне удовольствия не приносило. Хотя, к чести Ямадаева, зарплата за месяц выглядела довольно симпатичной.

Надо было возвращаться домой. Поспать нормально. Меня потряхивало от переживаний последних дней. Но идти в дом бабки категорически не хотелось, и вместо этого я стрельнула пару сигареток и вышла на задний двор здания. Заприметила этот безлюдный закуток еще днём. Здесь было тихо. А мне хотелось побыть одной.

Закурила и спустилась по стене на корточки. Втягивала в лёгкие запах табака, слушая музыку, заглушающую собственные мысли. Видимо, поэтому не поняла, что ко мне подобралась.

Резко распахнула глаза и впечаталась взглядом в лицо Ветрянского. Он тоже опустился передо мной на корточки. Чтобы посмотреть мне в лицо. Падла улыбался с гадливой усмешкой. Тут же вспомнила, как огрела его по голове.

Вытащил из моего уха наушник и вставил в своё. Некоторое время я наблюдала, как он слушает песню. А когда эта забава ему наскучила, выбросил наушник.

– Знаешь, зачем я пришёл? – задаёт вопрос, продолжая так же улыбаться.

Я осматриваю мужчин, что стояли за ним. Мелким наркодилером. И ощущаю, как страх холодными щупальцами сковывает сердце.

Злюсь, понимая, что гад выследил меня. Знает, где я работаю.

– Сказать, что ты больше не подойдёшь к моей матери? – склоняю голову, рассматривая его лицо.

Молодое, своеобразное и даже не лишённое привлекательности. Но вызывающее у меня отвращение.

– Какая ты дерзкая, – тянет он слова, – не угадала.

– У меня нет на тебя времени, – поднимаюсь на ноги, и он встаёт следом.

– За тобой должок.

Морщусь. Боже, неужели он ждёт, что я ему отсосу, как обещала? Засовываю руки в карманы куртки, сжимая нож. Нет. Я не собиралась его пускать в ход. Чревато тем, что его приставят к моему горлу. Но с ним мне становилось чуточку спокойнее.

– Что должна, всё прощаю. А теперь убирайся, – сверлю его недобрым взглядом из-под бровей.

– Твоя мать мне должна пол-ляма за наркоту, ты в курсе?

Замираю.

– Врёшь, – шиплю сквозь зубы. – С чего бы тебе давать ей столько наркоты?

– Она обещала со мной расплатиться. Каждый раз.

Нет. Мама. Нет.

Хуже всего, что я знала – не врёт. Мать всегда так делала. Обещала, пропадала, и мне приходилось рассчитывать за неё. Но никогда сумма не оказывалась настолько неподъёмной для меня.

– И как ты будешь возвращать этот долг? – его пальцы зажимают собачку молнии на моей косухе, тянут вниз, пока сердце в груди останавливается.

Я перевожу тревожный взгляд на мужчин за его спиной и сожалею, что выбрала этот тёмный угол. Здесь лишь одно парковочное место, и шансов, что мне помогут, чертовски мало.

Ветрянский придвигается ближе, впечатываясь своими костями в моё тело. Мне не нравится его близость, меня воротит от его запаха. Судорожно размышляю, как отсюда сбежать. Как вырваться из его цепких объятий. Как не ощущать его губы на своей щеке. Как оттолкнуть от своего рта. Как сдержать тошноту от вкуса его поцелуев.

Я ничего не слышу. Только испытываю потребность избавиться от его прикосновений. Ярость во мне такая сильная, оглушающая, что единственное, что я замечаю, – это его глаза. Удивлённые и даже возмущённые моим сопротивлением.

Мне хочется надавить на них большими пальцами и выдавить, как косточку из вишни.

Я шиплю, царапаю его ногтями, кусаю зубами, чтобы он отпустил меня. Но там, где он не справляется, ему на помощь приходит его охрана. Меня буквально распластывают на стене заведения под названием «Рай».

Неожиданно понимаю, как лоб Ветрянского встречается с кирпичом чуть выше моего плеча. Я наблюдаю за происходящим будто в замедленной съёмке.

А затем вижу, как верзилы вступают в драку с тем, кто отправил их хозяина в нокаут.

Мои глаза широко распахнуты. Я впечатываю ладонь в стену, чтобы понять, что я ещё в физическом мире. Не упала в обморок и не вижу галлюцинации. Тру

пальцами стену. Холодную, неровную поверхность кирпича.

Хозяин подпольного заведения так быстро расправился с тремя мужчинами, что я вздохнуть не успела. А его идеальная одежда лондонского денди даже не помялась. Ветрянский, увидев того, кто его ударил, опешил. Извинился и пропал. Просто сбежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rahmanina_elena/vyigrayu-tvoyu-zhizn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)